

Budelacci Orlando. Kants Friedensprogramm. Das politische Denken im Kontext der praktischen Philosophie¹. Diskurs Philosophie. Bd 3. Oberhausen : Athena, 2003².

Диссертация Орландо Буделаччи в шести главах, написанных приятным для чтения языком, имеет целью систематически представить политическое мышление Канта. В главе 1 «Введение – Мирная программа Канта» вечный мир для начала определяется как «утопический идеал» философии и политики (S. 18); вечный мир представляет собой основу создания глобального мирного правопорядка и должен быть достигнут путем последовательного реформирования. Даже если Буделаччи угадывает в этом центральное, актуальное ядро *содержательного* целеполагания политического мышления Канта, остается проблема в том, что он не дает определение понятию *утопия* ни сам, ни ссылаясь на кого-то.

Во второй главе «Мировой правопорядок» рассматриваются Лига Наций и всемирная республика как модели международных организаций. Буделаччи различает практически-политический и априорно-трансцендентальный уровни аргументации с целью показать, что Кант «не только фиксирует утопическую конечную точку, но и старается очертить ступени прогрессивного политического процесса» (S. 33). В этой попытке воссоздания кантовского мышления автор связывает блок вопросов политической философии с «основным вопросом этики» (S. 37), не намечая, однако, связующей линии между этими областями: международный мир должен быть установлен путем перехода из естественного состояния в правовое. Вопрос о связи с этикой остается, скорее, открытым и необоснованным. Здесь стоило указать, например, на проблематику перехода из *этического* естественного состояния [AA, VI, S. 95ff.; B 131/A 123]. Буделаччи верно подчеркивает, что мирный союз должен базироваться на идее федеративности (S. 46), и все же, похоже, в деталях он, в противоположность открытости Канта, настаивает на конструировании мировой республики, что противоречит дословному тексту Канта. Автор поясняет: «Отказ от идеи всемирной республики совершается исходя из реальных политических отношений. Однако она отклоняется вовсе не из принципа, а только лишь для актуального политического положения» (S. 46). Для Канта было бы разумно подчеркнуть преимущество всемирной республики перед моделью свободной федерации (S. 50) — это является более чем сомнительной интерпретацией, так как Кант отклоняет идею всемирной республики на том основании, что построить одно государство может только одна нация, а понятие многонационального государства, т.е. и всемирной республики, противоречит предпосылке понятия государства [AA, VIII, S. 354]. На место позитивной

¹ Буделаччи Орландо. Кантовская мирная программа. Политическое мышление в контексте практической философии.

² Перевод осуществлен по рецензии Мартина Фабианчича на книгу Орландо Буделаччи, опубликованной в Кант-Штудиен. 2008. №1 (*Budelacci Orlando. Kants Friedensprogramm. Das politische Denken im Kontext der praktischen Philosophie* (Martin Fabjancic) // *Kant-Studien*. 2008. Nr. 1. S. 107–109) с любезного разрешения редколлекции Кант-Штудиен.

всемирной республики, согласно Канту, гораздо больше подходит негативный суррогат федеративного антивоенного союза [АА, VIII, S. 357]. С такой аргументацией Буделаиччи определенно желает понимать «идею всемирной республики как дополнение на втором уровне долженствования» (S. 54) и как такую, которую с точки зрения философии истории можно мыслить как реально достижимую. На этом, полагаю, исчерпывается аргументация автора в поддержку федеративного антивоенного блока на прагматически-политическом уровне в противовес идее создания всемирной республики на трансцендентальном.

В третьей главе «Всемирное гражданское право и неприкосновенность суверенных границ» автор рассуждает о связи всемирного простейшего государства с идеей всемирной республики. Центральный вопрос заключается в том, как представляет себе Кант модель международной организации. Исходным пунктом исследования выступает анализ «всемирного элементарного государства» — понятия, которое Буделаиччи вводит на с. 73 и сам же определяет на с. 85 как «элементарный политический строй» с правом вмешательства силами всемирной полиции. По мнению Буделаиччи, Кант представил идею всемирной республики незавершенно (S. 80), так что следует пояснить, можно ли приравнять «всемирную республику» к «всемирному элементарному государству». Таким образом, автор ищет такую структуру аргументации, которая, основываясь на кантовской формулировке, смогла бы легитимировать супранациональную организацию с целью обеспечить права человека «в контексте мирового порядка» (S. 87). Автор желает «сблизить возражения самого Канта с моделью всемирной республики, которая регулирует политико-правовые мероприятия во взаимодействии государств и к тому же обладает полномочиями активной интервенции при нарушении прав человека» (S. 87). Однако это намерение может осуществиться только в том случае, если Буделаиччи снабдит кантовские аргументы и терминологию такими *ярлыками*, что из принципиальных возражений останутся лишь прагматические сомнения, которые «сегодня, исходя из быстрых темпов развития структур коммуникации и торговли, должны оцениваться совершенно по-другому» (S. 88). Используя принцип субсидиарности (энциклика Папы Льва XIII), которым он стремится расширить политическую философию Канта, Буделаиччи развивает аргументацию в поддержку тезиса о том, что мировая республика не обязательно должна быть централистской (S. 88). Однако вопрос о том, насколько совместима сама кантовская философия с, пожалуй, произвольно введенным в нее принципом субсидиарности, остается неизученным. Автор придает значение скорее принципу субсидиарности, чем «недостающему звену кантовской политической философии международных отношений» (S. 91). Буделаиччи без надлежащей проверки провозглашает искомую конвергенцию принципа субсидиарности с «внутренним ядром» (S. 93) негативного понятия права, по Канту. Таким образом, главная проблема предложенной Буделаиччи интерпретации кантовской философии состоит в попытке сконструировать — с использованием элементов кантовского мышления и в ответ на эксплицитный отказ Канта от мировой республики как супранациональной организационной структуры — такую структуру аргументации, которая легитимирует «гуманитарную интервенцию» (S. 95) в «радикально-демократическом» понимании (S. 100) в правопорядке всемирной республики. То, что Кант «еще не помышляет о всемирно-гражданской системе защиты, которая могла бы обеспечивать человеческие пра-

ва, основано на исходном принципе его подсознательного гоббсианства и связанной с ним ценности абсолютного суверенитета» (S. 101). Используя эти аргументы, Будедаччи препятствует достижению собственной же цели — изложению кантовской мирной программы (S. 32). Поэтому исследование автора необходимо рассматривать не как интерпретацию кантовской философии, а как попытку создания на основе фрагментов кантовского мышления собственной концепции организации международного правового устройства, которая, безусловно, также не может являться актуализацией политического мышления Канта. Кант эксплицитно не поддерживал создание всемирной республики. Обосновать возможность и необходимость надгосударственной монополии власти, обладающей правом легитимной «гуманитарной интервенции», как бы Кант против Канта, — проблематично, даже если такая постановка вопроса современна и актуальна.

В четвертой главе «Суверенитет и демократия», основанной преимущественно на высказываниях Хабермаса, Хёффе и Мауса, рассматривается связь суверенитета государства и народного суверенитета. Пятая глава «Учение о войне» кратко воспроизводит взгляды Канта на войну и ставит вопрос (на который дается положительный ответ), применимо ли его учение к современным конфликтам и насколько. «Ограниченное ведение войны служит защитой островков демократии» (S. 224).

Заключительная шестая глава «Кантовская модель политической философии» исследует политическую философию Канта как систему нормативных принципов, составляющих основу международной политики. Будедаччи расценивает этику Канта как предъявляющую непомерно высокие требования к индивидууму (S. 229). Присоединяясь к давно известному аргументу Ницше, автор критикует обособление рациональности и, следовательно, игнорирование иррациональных движущих сил, которое разверзает непреодолимую пропасть между «гетерономным определением эмпирического субъекта и его автономным самоопределением» (S. 230). Политической философии Канта недостает «небольших промежуточных ступеней», которые открывали бы возможность реализации политических целей. К сожалению, автор не анализирует возможности такой оценки различия Кантом человека на *homo politicus* и *homo phaenomenon*, которая приняла бы во внимание их единство. Но не только в этой связи аргументация Будедаччи отличается преимущественно постулированием и недостаточной обоснованностью. Структура аргументации и умозаключения автора противоречат тем задачам, которые он же себе поставил. Его установка на реконструкцию политического мышления Канта именно по этим и вышеназванным основаниям не может быть выполнена. Ввиду вырывания примеров кантовской аргументации из контекста и их перемаркировки, нарушения границ точности словоупотребления при интерпретации, а также по причине конструирования своей собственной модели мирового политического порядка (всемирной республики) данная работа выступает попыткой переосмысления — и не является реконструкцией или актуализующим обновлением интерпретации. Кроме того, в диссертации отсутствуют необходимые алфавитные, именные и географические указатели.

Мартин Фабианчич, Лимбург
Перевод с нем. А. С. Зильбера